

А. М. Гребнева

**НАЗВАНИЯ ПЛОДОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ
И КУСТАРНИКОВ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ
И ГОВОРАХ**

Статья посвящена анализу номинантов мордовских языков, входящих в лексико-тематическую группу наименований плодовых деревьев и кустарников. Автор анализирует лексемы, в которых прозрачна внутренняя форма и отчетливо выделяются семасиологические признаки. Они активно включаются в систему семантических полей, на основе которых вычленяются семантические модели. Исследование номинантов с подобной точки зрения, с одной стороны, раскрывает их сущность, а с другой – выявляет характер системной организации лексико-семантического уровня в диалектной форме национального языка. Данная проблема до сих пор недостаточно изучена в финно-угорском языкознании. Актуальность статьи обусловлена прежде всего исследованием лингвистического аспекта составной части общенародного словаря, имеющей первостепенное значение для финно-угорских языков. В основе работы – материалы полевых исследований автора среди эрзян и мокшан, а также лексикографические источники.

Ключевые слова: финно-угорские языки, диалект, диалектная лексика мордовских языков, семантическое поле.

В последнее время в мордовском языкознании особое внимание уделяется изучению теоретических проблем диалектной лексики. Так, изданы научные монографии профессора Д. В. Цыганкина [2000; 2013], доцента В. П. Гришуниной [2015], а также статьи А. М. Гребневой [2013; 2015; 2016] и ряд других, в основном направленных на исследование и описание живой разговорной народной речи, а также на конкретные данные диалектной лексики. Однако собранного материала пока недостаточно для исследования диалектной лексики мордовских языков. Поскольку зоной проживания эрзян и мокшан является вся территория России (республики Чувашия, Татарстан и Башкортостан, Ульяновская Самарская, Оренбургская, Саратовская, Самарская области и др.), необходима более кропотливая и тщательная работа по сбору лексического материала. Это позволит активизировать создание многотомного словаря мордовских языков. И, как отмечает проф. Д. В. Цыганкин, «внимание к диалектной лексике сейчас должно быть особо

подчеркнуто. Именно на этой отставшей области теперь и нужно сосредоточить исследовательские силы» [Цыганкин 2000, 80].

Особенность мордовской флористической системы в том, что многие названия плодовых деревьев и кустарников в пределах распространения эрзянского и мокшанского языков и их диалектов, как и в других финно-угорских языках, имеют целые ряды наименований [Ефремов 1978; Ракин 1979; Сюръялайнен 1982].

Цель данной статьи – проанализировать лексемы определенного семантического поля, относящиеся к названиям плодовых деревьев и кустарников; выявить ряды наименований, способствующие дальнейшему уточнению понятия лексико-семантической системы мордовских языков в целом. Мордовские названия плодовых деревьев и кустарников представляют сложную и пеструю картину. Источники их пополнения – как собственно мордовские лексические ресурсы, так и заимствования.

В нашу задачу не входит освещение проблем, связанных с теорией лексико-семантического поля, однако мы будем опираться на такие методы исследования, как выделение семантических признаков по дифференциации, дающее возможность изучить рассматриваемую лексико-тематическую группу лексики в совокупности элементов, определенным образом упорядоченных, находящихся в известных отношениях и связях; на наш взгляд, целесообразны и другие, базирующиеся на собственно-индивидуальных лингвистических критериях.

Особый интерес представляет для нас выявление семантических моделей в лексико-тематической группе для названий плодовых деревьев и кустарников в двух близкородственных языках: эрзя-мордовском и мокша-мордовском и их диалектах.

Осмысление индивидуального диалектного наименования можно назвать неординарным при смысловом восприятии конкретных видов денотатов. Субъективные элементы могут быть закономерными при конструировании тех смыслов, которые функционируют в том или ином диалекте. Лексемы, участвующие в образовании номинантов, сохранившиеся со времен уральского периода в тех или иных говорах, явное тому подтверждение. Так, э. л. *кальме тикше* ‘повилика европейская’ (*Cuscuta europaea*) – номинант, который не относится к данной лексико-тематической группе, до настоящего времени активно функционирует и в эрзянском литературном языке, и в некоторых диалектах. В подавляющем большинстве эрзянских говоров его реализация отсутствует. Несомненно, по разным социальным причинам какая-то часть лексики была утрачена вследствие внутрилингвистических процессов. Некоторые номинанты, некогда бытовавшие на всей территории проживания эрзян и мокшан, сохранились лишь в узко ограниченных диалектных регионах. Так, например, дело обстоит с употреблением общемордовских слов *атямарь* ‘вишня (плод)’, *атямарькс* ‘вишня (дерево)’. В современных мордовских литературных языках и в большинстве говоров они уступили место русскому заимствованию *вишня* или производным от него *višn'afks*, *višn'ar'ina*. То же можно сказать и о названиях *сурo* ‘просo’, *ликша* ‘гречиха’, *шуж* / *чуж* ‘ячмень’: в разных точках мордовского ареала вместо них зафиксированы русизмы *prosa*, *gr'ec'a*, *jčmen'*.

Эрзянские и мокшанские названия одних и тех же понятий в говорах образуют семантическое поле (микрoполе). Остановимся на таких названиях, которые

хорошо известны, обладают ярким отличительным признаком, тесно связаны с бытом, культурой эрзи и мокши.

В фонде номинантов исследуемой лексико-тематической группы на роль обобщающих названий претендуют слова: *čuvto* 'дерево', *sad* 'сад', *kal'* 'ива', *undo* ~ *ondo* 'дупло', которые, в свою очередь, синонимичны в диалектах, где наблюдается их функционирование.

Общеизвестная лексема э. л. *чувто*, м. л. *шufta* 'дерево' восходит к финно-пермскому периоду к форме **čivota* 'ствол дерева', которую можно сопоставить с фин. *huhta* 'поджог; подсека', кар. *huuhta* 'тж', эст. *uht* 'куча хвороста', мар. *шувын*, *шубын* 'кол; рычаг' [ЭВ, 210].

Слово *sad* 'сад' заимствовано из русского языка и выполняет функцию обобщения в названиях плодовых деревьев и кустарников в единичных эрзянских говорах Ардатовского р-на Республики Мордовия, а также в говоре с. Большая Каменка Красноармейского р-на Самарской обл. Подобная роль отводится и слову *kal'* 'ива, ветла', на долю которого выпадает говор с. Лобаски Ичалковского р-на Республики Мордовия. Данная лексема относится к финно-угорскому периоду: к. *кад* 'болото', удм. *куд* 'болото', манс. *кел-* (< *келыг* 'болото'), хант. *кал* 'болото' [ЭВ, 56].

Из рассмотренных лексем самая интересная *undo* ~ *ondo* ~ *unka* ~ *vondo* 'дупло'. Профессоры Д. В. Цыганкин и М. В. Мосин возводят ее к финно-угорскому периоду как имеющую следующие соответствия: мокш. *унда*, мар. *вондо* 'тростина, стебель', *вондер* 'кустарник, заросли', фин. *ontelo* 'полость, дупло', эст. *õõs* 'полость, дупло', венг. *odu* 'отверстие' [ЭВ, 195]. Вероятно, это слово можно также сопоставить с данными из хантыйского языка, где в говорах наличествуют *āṇkāl*, *āṇkl* 'пень', 'столб' [Шал 1976, 333]. Данная лексема характерна для части северо-западных говоров Мордовии и отдельных говоров Нижегородской обл.

Интересные сведения приведены в «Этимологическом словаре чувашского языка» М. Р. Федотова, который анализирует словарную статью *ани* 'отверстие у некоторых предметов': *алăк ани* / *алăк анĕ* 'пролет двери или ворот'; *кăйшăм ани* 'отверстие (горло) кувшина', *кăмака ани* 'устье печи', *чĕрече ани* 'оконный пролет', *пичке ани* 'отверстие бочки, через которое она наполняется', сославшись на Н. И. Ашмарина «Словарь чувашского языка». Далее, словарная статья содержит сведения из монгольского, тюркского *am* < *jata* 'женские половые органы', чувашского *ан* и марийского-лугового *аӱ*, марийского-горного *ăӱ* 'отверстие'; 'горло (сосуда)' [Федотов 1996, 46]. М. Р. Федотов ссылается также на М. Рясänen * *ăṇ*, ? *ăṇä*.

В этой связи любопытно привести соответствия из эрзянского литературного языка: *анксема* 'прорубь', э. д. *аӱсема* (чкл., дрк., нзв.) 'тж'. Возможно, данное слово уходит своими корнями в урало-алтайский период?

Э. л. *умарькс*, м. л. *марлю* 'яблоня'.

Э. л. *умарькс*, м. л. *марлю* 'яблоня', э. л. *умарь*, м. л. *марь* 'яблоко'. Диалектные варианты при наименовании яблони таковы: *umar'ina* (члп., лнг., лбс, клс.), *umar' džuvto* (слщ. ат.), *umar' undo* (чкл. игн.), *umar' kal'* (лбс. ич.), *umar' sad* (ст. ард.), м. д. *umar'ksna* (шкш., крв., дрк. тр.), *mar'onaks* (н. всл.), *marəna* (пдл.), *mar'I'ufn'e* (кнг.), *mar'nalks* (прм. зп.), *mar'ona* (т. птм.). В некоторых

эрзянских говорах (напр., с. Чиндяново Дубёнского р-на, с. Дюрки Атяшевского р-на) фитоним *умарь* имеет значение ‘земляника’, ‘клубника’, ‘виктория’. Словом *марь* в единичных мокшанских говорах называются клубни картофеля. В ряде эрзянских говоров вместо собственно мордовского названия используется русское заимствование: *jabluk* (дрк.) ‘яблоко’, *jablĭk* (шгр.) ‘яблоко’ – *jablun'a* (дрк.), *jablĭk čuftâ* (шгр.) ‘яблоня’.

Фитоним *мар'* восходит к финно-угорскому периоду: **marja*. У него тот же источник, что и у венг. *mar'j* (*mar'g'*) ‘ягода’, ф. *marja* ‘ягода’, ‘плод’, эст. *marī* – *marja* ‘ягода’, саам. (К) *муррь*, мр. *мөр* ‘ягода’ (обычно о землянике), к. *мыр* в составе фитонима *намыр* ‘костяника’, уд. *мөр* – *пизылмэмөр* ‘рябина’. По мнению В. И. Абаева, слово проникло из индоевропейских языков: арм. *mor* ‘ежевика’, осет. *myr-* (> *murtkæ* ‘калина’) [Абаев, 141]

В эрзянском языке, в противоположность мокшанскому, *мар'* самостоятельно не функционирует, входя, как правило, в состав композита *модамар'* ‘картофель’ (букв. ‘земля-ягода’). Для обозначения же *яблока* служит слово *умар'*, сближающееся с соответствующим наименованием в ливском языке – *umār*. Интересно сопоставить э. *умар'* с лив. *umār* и их значение с древнеиранским словом **amarna* ‘яблоко’, ‘яблоня’. Как отмечает И. М. Стеблин-Каменский, древнеиранское **amarna* является источником для названия *яблока* во многих языках, в том числе во всех памирских и афганском, и принадлежит к кругу древних культурных слов, первоисточник которых остается неизвестным [Стеблин-Каменский 1982, 103].

В мокшанском языке при обозначении *яблока* к слову *мар'* ‘плод’ присоединяется суффикс *-əna*: *mar'-əna*. В некоторых говорах производный фитоним осложняется суффиксом *-ks*: *mar'-əna-ks*. Отмечаются мокшанские локально ограниченные территории, где вместо *mar'-əna* ~ *mar'-əna-ks* в одних говорах функционирует *mar'l'u* ~ *mar'l'uks*, в других – *mar'n'u*. Компоненты *l'u*, *n'u* восходят к самостоятельному слову *luv* ‘плод ягоды’. Оно служит одним из компонентов составного фитонима *piče luv* ‘черника’ (*piče* ‘сосна’ + *-luv*). Смягчение *l*-ового звука в *l'u* произошло под ассимилятивным влиянием мягкой конечной основы слова *mar'*. Появление *n'* в составе *n'u* можно объяснить чередованием *l* ~ *n*.

Э. л. *лёмзёркс*, м. л. *лаймарькс*, *лайме* ‘черемуха (дерево)’.

В диалектном употреблении имеются варианты, или лексические корреспонденции: э. д. *l'ajme*, *l'om*, *l'ajme*, *l'omz'or'ina* (члп.), *lamar'ina* (чкл. атш.), *lamar' čuvtâ* (дрк.), *l'omina* (слщ. игн.), *l'om* (шгр.), *l'omks* (б. мрс.), *l'omz'or džuvto* (чкл.), м. д. *lajm mar'ks* (атр.), *lonz'irnaks* (кшл.), *lon'd'ir'ks* (дрк. тр.), *lajmoks* (млч.). Для ряда эрзянских и мокшанских говоров характерно русское заимствование: *c'er'omka* (лбс.), *c'er'enka* (м. пшл.), *c'er'omkaks* (блд. зп.).

Основа фитонима *l'om-* с его фонетическими вариантами *lam-* ~ *la-* ~ *laj-* ~ *lon-* автономно встречается лишь в некоторых эрзянских говорах, в частности присурских. Здесь слово *l'om* (шгр., прм., ч. прм.) отмечается в двух значениях – ‘пойма’ и ‘черемуха’. В эрзянском литературном языке и многих его говорах в названиях ягоды *черемухи* к основе присоединяется *-z'or*, *-z'er*, *-dip*: *l'om-z'or* (мл.), *l'om-z'er* (шгр.), *lond'ir* (дрк. тр.), который, по-видимому, относится к истоку слова *s'uro* ‘семена, плод, ягода’. В мокшанских говорах и части эрзянских при ее обозначении основа *lam-* ~ *laj-* дополняется словом *mar'* ‘ягода’: м. д.

laj-mar' (анв.), э. д. *lam-mar'* (дрк.). Наименования черемухи как дерева в одних эрзянских говорах содержат суффикс *-ks*: *lomzor-ks* (мл.), в других – *-ina* ~ *-ina*, *-r'ina*: *l'om-ina* (слщ. ат.), *lama-r'ina* (лнг.), в третьих – сочетание *l'omz'or džuvto*. В мокшанском же языке в большинстве случаев употребляется суффикс *-ks*: *lajmar'-ks* (крн.), *lajm-ks* (млч.).

Основа фитонима *l'om-* – финно-угорского (уральского) происхождения: *lajm'* (SKES), *l'om* (FUV), ф. *tuomi* ‘черемуха’, мр. *ломбо* (< *бо* ‘дерево’), *лампы* ‘черемуха (дерево, ягода)’, *лампер* ‘черемушник’, к. *льӧм пу* ‘черемуха’, мн. *l'am*, х. *jom*, *jöm* [ОФУЯ, 404]. Происхождение элемента *-z'er* с его фонетическими вариантами неясно. По-видимому, существительное, образованное с помощью этого указательного элемента, с собирательным значением первоначально употреблялось шире, так как его можно обнаружить не только в названиях деревьев: *gol'-z'er* ‘цветник (< *gol'* ‘роза’).

Э. л. *овтумарь*, м. л. *каза марькс* ‘шиповник’ (*Rosa cinnamomea*).

В говорах обоих мордовских языков весьма значительно число вариантов слова *овтумарь* / *каза марькс* ‘шиповник’ (*Rosa cinnamomea* L.): э. *ovto umar'* (чкл. игн., члп., чкл.), *ovto umar'ina* (блд., лнг.), *s'ejan' zakal* (нзв.), *kaz'en' zakal* (клв.), *baba umar'* (вrm.), *tatar umar'* (ст. ивнц.), *kaval d'ikše* (нск.), *pazon' nakazamo* (мл.), *pažen' džavoma* (пвд.), *ponav jagoda* (сбн.), *t'akat* (алв.); м. д. *kaz mar'ks* (прз. зп., блд. зп.), *kazan' domalksna* (дрк. тр.), *kazan' mar'ənaks* (м. плн.), *kaza mar'ina* (врж.), *ofta mar'ks* (с. пчн.), *oftmar'* (лпч.), *ofta məkər panks* (н. пшн.), *oftən' bokəl'ks* (ст. пчр.), *oftən' bokəks* (с. авк.), *oftən' boka* (смз., ежв.), *oftən' žapaks* (ст. шл.), *oftən' mad'aks* (шгв.), *oftən' br'a* (авд.), *oftaks* (крн.) и др.

Обилие вариантов номинации растения *Rosa cinnamomea* отражает, как и во многих других случаях, свободу семантического и словообразовательного моделирования в диалектных системах. В ряде говоров основой для создания слова служит наименование культурного растения – *умарь* / *марь* ‘яблоко’. Определительные слова *овто* / *офта* ‘медведь’, *сея/каза* ‘коза’, э. *баба* ‘старуха’, *татар* ‘татарин’ вносят оттенок «ненастоящий», «дикорастущий», «несъедобный»: *овто умарь/офта марькс* (букв. ‘медведь-яблоко’), м. *kazan' mar'* (букв. ‘козье яблоко’).

В данной микросистеме несколько семантических моделей:

1) ‘форма шипа’ → ‘наименование’: э. *s'ejan' zakal* (букв. ‘козлиная борода’);
2) ‘волосистое покрытие плода’ → ‘наименование’: э. *ponav jagoda* (букв. ‘волосатая ягода’);

3) ‘колючий’ (нечто колючее) → ‘наименование’. Уколы шиповника очень чувствительны, и не только для человека. Это обстоятельство дало толчок для появления в говорах (особенно мокшанских) множества метафорических названий. Все они воспроизводят в своем составе слово м. *офта* ‘медведь’: *oftən' boka* (букв. ‘медвежий бок’) (возможно, основой номинации в данном случае стало свойство растения не просто укалывать, но и раздирать бока животных, в частности медведей, когда они пробираются через шиповник), *oftən' mad'aks* (букв. ‘медведя лапа’);

4) ‘средство для наказания’ → ‘наименование’. Любопытно, что в некоторых местах в народном сознании название растения связывалось с возможностью

божьей кары: э. *razon' nakazamo* (букв. 'божье наказание'), *razun' džavuta* (букв. 'божье убивание').

Как в эрзянской, так и в мокшанской флористике нет единого термина для обозначения этого растения. Почти все диалектные лексические варианты – составные слова, восходящие к общемордовскому периоду. В единичных говорах функционирует лексема э. д. *t'akat* (алв.). Трудно объяснить ее семантические истоки. В некоторых же наблюдается смешение семантических признаков с понятием крыжовник и шиповник – *ronav jagoda* (ст. ард.) 'крыжовник', *ronav jagoda* (сбн.) 'шиповник'.

Другие финно-угорские языки, в частности пермские, понятие 'шиповник' передают образованием, относящимся также ко времени их самостоятельного развития. Например, в удмуртском способ номинации иной, нежели в коми языке: к. *жельнӧг* 'шиповник (куст)' (букв. 'колкое (злое) дерево' < *жель* 'заноза'), уд. *легеэпу* 'шиповник (куст)' < *лек* 'зло', 'жгучий, горячий'.

Э. л. *пешкс*, м. л. *пяштерькс* 'орешник'.

Э. л. *пеште* 'орех', м. л. *пяште*, э. л. *пешкс*, м. л. *пяштерькс* 'орешник'. В мокшанских говорах для обозначения понятия 'орешник' используются варианты: *peščuvto* (кнг.), *päšt'er'ks čufto* (м. пмб.), *pešt'är'ks* (шгв.), *pešt'lks* (кнг., нвл.), *päšt'efks* (пчн.) *pešt'ufks* (ст. шл.), *pešt'äks* (атр.). В эрзянском языке производящей основой для слова *пешкс* служит морфема *пеи-*, в мокшанском – *пяште-*, где суффиксальный элемент *-m'e* утратил свое словообразовательное значение и сросся с производящей основой. О наличии подобного суффикса говорит, например, такая лексема, лежащая вне сферы ботанической терминологии, как *теиш-те* 'зарубка' (*теиш-кс-тамс* 'отметить, зарубить').

В некоторых эрзянских говорах вместо суффиксального образования для наименования орешника употребляются составные слова: *pešt'e čuvto* (чкл., кчн.) ~ *pešt'e čuftu* (смл.) (букв. 'орех-дерево'), *pešt'e undo* (слщ. игн., кр. нив.) (букв. 'орех-дупло'), *pešt'e kal'* (лбс. ич.) (букв. 'орех-ива'), *pešt'e sad* (ст. ард., жбн.) (букв. орех-сад). В единичных говорах Самарской обл. заимствованное слово *роща* сочетается со словом *пеште*: *pešt'e rošt'a* (ч. урм.). Любопытно отметить, что в говоре с. Иванцево Лукояновского р-на Нижегородской области составное наименование орешника срослось в композит: *pešt'unka*.

Основа фитонима *пеи-*, *пәиш-* возводится к финно-пермскому периоду *peš-t'e*: ф. *pähkinä*, эст. *pähkel*, мр. *пүкиш* 'орех', *пүкишерме* ~ *пүкишеры* 'орешник', к. *пашкан* 'ягода шиповника', уд. *паш-*, *пашпу* 'орешник', ф.-п. **päsk-* [SKES; ОФУЯ, 428]. В мокшанском языке и в ряде эрзянских говоров с мокшанскими элементами суффикс *-кс*, встречаемый в названиях орешника, осложняется *л*-овым или *р*-овым элементом, в результате чего создаются новые суффиксы – *-лкс* и *-ркс* ~ *-р'кс*: *pešt'e-r'ks* (шгв.), *pešt'a-lks* (нвл.). Подобный формант обнаруживается также во флористическом названии э. л. *кодо-ркс* / *годо-ркс* 'ботва' (< **гуд-* ~ *кодо-* 'плести'). *gudā-rks* (с. всл.) 'ботва'. Родственные языки, в частности марийский, дают возможность раскрыть истоки *р*-ового элемента. Марийский суффикс *-эр* ~ *-ер* ~ *-р*, как указывает И. С. Галкин, образует имена существительные с собирательным значением от имен существительных, в основном обозначающих различные породы деревьев и кустарников: *кож* 'ель' – *кожер* 'ельник', *пүнчӧ*

‘сосна’ – *пўнчэр* ‘сосняк’, *куэ* ‘береза’ – *куэр* ‘березняк’, *пызле* ‘рябина’ – *пызлер* ‘заросли рябины’ [Галкин 1966, 13–14]. Таким образом, *р*-овый элемент в составе мордовского суффикса *-р’кс* имеет непосредственное этимологическое отношение к марийскому *-эр*. Ученые Т. Lehtisalo и J. Györke вполне обоснованно возводят этот формант к уральскому **r*-овому суффиксу отыменных существительных [Lehtisalo 1936, 184; Györke 1934, 41].

Рассмотренный материал наглядно показывает своеобразие формирования и функционирования системы диалектных названий плодовых деревьев и кустарников в мордовских языках. Наличие множества вариантов для одного и того же растения объясняется многообразием признаков, присущих той или иной реалии как явлению объективного мира. Носителями говоров они воспринимаются как самые важные или яркие и ассоциируются именно с этим растением.

Мы рассмотрели лишь небольшую часть названий богатейшего пласта диалектной лексики в эрзянских и мокшанских говорах. Но и она свидетельствует, что этимологические, семантические и словообразовательные характеристики наименований весьма разнообразны.

Представленные семантические поля, функционирующие в двух близкородственных языках и проводимые в плане сопоставления их в одну и ту же историческую эпоху, позволяют сделать вывод, что их словарные множества эффективны в определении сходства и своеобразия. Лексические различия состава полей можно объяснить экстралингвистическими факторами.

СОКРАЩЕНИЯ

Названия диалектов (говоров): авд. – говор населенного пункта Авдалово Zubovo-Полянского района Республики Мордовия (РМ); алв. – н. п. Алово Атяшевского р-на РМ; анв. – н. п. Анаево Zubovo-Полянского р-на РМ; атр. – н. п. Атюрьево Атюрьевского р-на РМ; блд. – н. п. Болдасево Ичалковского р-на РМ; блд.зп. – н.п. Булдыгино Zubovo-Полянского р-на РМ; б.мрс. – н.п. Большое Маресево Чамзинского р-на РМ; врж. – н.п. Варжелий Торбеевского р-на РМ; врм. – н. п. Вармазейка Большеигнатовского р-на РМ; дрк. – н. п. Дюрки Атяшевского р-на РМ; дрк. тр. – н.п. Дракино Торбеевского р-на РМ; ежв. – н. п. Ежовка Ковылкинского р-на РМ; жбн – н. п. Жабино Ардатовского р-на РМ; клв. – н. п. Клявлино Клявлинского р-на Самарской обл.; клс. – н.п. Кулясово Атяшевского р-на РМ; кнг. – н. п. Каньгуши Ельниковского р-на РМ; крв. – н. п. Красный Воин Чамзинского р-на РМ; крн. – н.п. Корино Краснослободского р-на РМ; кр.нив. – н.п. Красная Нива Большеигнатовского р-на РМ; кчн. – н.п. Кученяево Ардатовского р-на РМ; кшл. – н. п. Кишалы Атюрьевского р-на РМ; лбс. – н.п. Лобаски Атяшевского р-на РМ; лбс.ич. – н.п. Лобаски Ичалковского р-на РМ; лнг. – н. п. Луныга Ардатовского р-на РМ; лпч. – н.п. Лепченка Ельниковского р-на РМ; мл. – н.п. Мокшалай Чамзинского р-на РМ; млч. – н.п. Молчаново Темниковского р-на РМ; м. плн. – н. п. Мордовская Поляна Zubovo-Полянского р-на РМ; м. плш. – н. п. Мордовская Пишля Рузаевского р-на РМ; м. пмб. – н. п. Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского р-на РМ; нвл. – н. п. Новлей Инсарского р-на РМ; н.всл. – н. п. Новые Выселки Zubovo-Полянского р-на РМ; нзв. – н. п. Низовка Ардатовского р-на РМ; н.пшн. – н.п. Ново Пшенево Ковылкинского р-на РМ; нск. – н. п. Наскафтым Шемышейского р-на Пензенской обл.; пвд. – н. п. Поводимово Дубёнского р-на РМ; пдл. – н.п. Подлясово Zubovo-Полянского р-на РМ; прм. – н. п. Пермиси Большеберезниковского р-на РМ; прм. зп. – н.п. Промзино

Зубово-Полянского р-на РМ; с. авк. – н. п. Старое Авкиманово Темниковского р-на РМ; сбн. – н. п. Сабанчеево Атяшевского р-на РМ; с.всл. – н. п. Саввинские Выселки Торбеевского р-на РМ; слщ. ат. – н. п. Селищи Атяшевского р-на РМ; слщ. игн. – н. п. Селищи Большеигнатовского р-на РМ; смз. – н. п. Самозлейка Ковылкинского р-на РМ; смл. – н. п. Семилей Кочкуровского р-на РМ; ст. пчн. – н. п. Старые Пиченгуши Ельниковского р-на РМ; ст. ард. – н. п. Старое Ардатово Ардатовского р-на РМ; ст. ивнц. – н. п. Старое Иванцево Лукояновского р-на Нижегородской обл.; ст. пчр. – н. п. Старые Пичеуры Торбеевского р-на РМ; ст. шл. – н. п. Старые Шалы Ельниковского р-на РМ; т. птм. – н. п. Тарханская Потья Зубово-Полянского р-на РМ; чкл. – н. п. Чукалы Ардатовского р-на РМ; чкл. атш. – н. п. Чукалы-на-Вежне Атяшевского р-на РМ; чкл. игн. – н. п. Чукалы Большеигнатовского р-на РМ; члп. – н. п. Челпаново Атяшевского р-на РМ; ч. прм. – н. п. Черная Промза Большеберезниковского р-на РМ; ч. урм. – н. п. Чувашское Урметьево Челновершинского р-на Самарской обл.; шгв. – н. п. Старое Шайгово Старошайговского р-на РМ; шгр. – н.п. Шугурово Большеберезниковского р-на РМ; шкш. – н. п. Шокша Теньгушевского р-на РМ.

Названия языков: м. – мокшанский; м.д. – мокшанский диалектный; м.л. – мокшанский литературный; э. – эрзянский; э.д. – эрзянский диалектный; э.л. – эрзянский литературный.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука. Ленинградское отд., 1973. Т. 2. 448 с.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. 202 с.

Гребнева А. М. Роль диалектных данных в словообразовательных процессах мордовских языков (на материале флористической лексики) // Сибирский филологический журнал. 2013. С. 115–123.

Гребнева А. М. Мордовские фитонимы в системе семантического поля // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 4. С. 100–106.

Гребнева А. М. Целостный подход к исследованию номинантов мордовских языков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Вып. 2. С. 7–16.

Гришункина В. П. Диалектная лексика мокшанского языка (лексикографический и лингвогеографический аспекты исследования): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 172 с.

Ефремов А. С. Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1978. 17 с.

Насибуллин Р. Ш. Некоторые названия флоры в языке закамских удмуртов (материалы) // Вопросы удмуртского языкознания. 1973. Вып. 2. С. 152–162.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука. 1984. 480 с.

Ракин А. Н. Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ) // Вопросы лексикологии коми языка. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Сыктывкар: Сыкт. кн. изд-во, 1979. С. 129–164.

Стеблин-Каменский И. М. Очерки по истории лексики памирских языков. М.: Наука, 1982. 162 с.

Сюръялайнен Ю. Э. Названия растений в финских говорах Ленинградской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982. 18 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 1. А-Р. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 470 с.

Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск: Тип. «Красс. Окт.», 2000. 315 с.

Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа: сб. избр. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 244 с.

Шал Э. Лексика // Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и обско-угорские языки. М.: Наука, 1976. 368 с.

ЭВ – Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс / Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 228 с.

FUV – Collinder B. Fenn-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Hamburg. 1977. 217 p.

Györke J. Die Wortbildungslehre des Uralischen. (Primäre Ableitungssuffixe). Tartu, 1934. 96 lk.

Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. (MSFOu LXXII). Helsinki. 339 с.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja / Y. H. Toivonen, E. Itkonen, Aulis J. Joki. Helsinki, 1955–1981. I–VII.

Поступила в редакцию 05.04.2017

Гребнева Александра Михайловна,

кандидат филологических наук, доцент,

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

e-mail: grebnevaam@rambler.ru

A. M Grebneva

Names of Fruit Trees and Bushes in the Mordovian Languages and Their Dialects

The article is devoted to the analysis of the nominees of the Mordovian languages, which are the part of the lexical-thematic group of names of fruit trees and bushes. The author analyzes the lexemes, in which the internal form is transparent and semasiological features are distinctly distinguished. The latter are actively included in the system of semantic fields, on which basis the semantic models are picked out. The study of nominees from this point of view, on the one hand, reveals their essence, and on the other hand, reveals the nature of systemic organization of the lexical-semantic level in the dialect form of a national language. This issue is still insufficiently studied in Finno-Ugric linguistics. The importance of the research is primarily caused by the study of the linguistic aspect of the component part of the nationwide vocabulary, which is of a paramount importance for the Finno-Ugric languages. The materials of the author's fieldwork among the Erzya and the Moksha, as well as lexicographical sources have become the basis of the work.

Keywords: Finno-Ugric languages, dialect, dialect vocabulary of the Mordovian languages, semantic field.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 2, pp. 7–17. In Russian.

REFERENCES

Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. [Historical-etymological dictionary of the Ossetian language]. L.: Nauka, 1973, T. II. Leningradskoe otdelenie. [Vol. 2: Leningrad branch.], 448 p. In Russian.

Galkin I. S. Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. [Historical grammar of the Mari language]. Ioshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1964. 202 p. In Russian.

Grebneva A. M. Rol' dialektnykh dannyykh v slovoobrazovatel'nykh protsessakh mordovskikh yazykov (na materiale floristicheskoi leksiki). [The role of dialectal data in derivational processes of the Mordovian languages (based on the floristic Lexis)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. [Siberian philological journal]. 2013, pp. 115–123. In Russian.

Grebneva A. M. Mordovskie fitonimy v sisteme semanticheskogo polya. [Mordovian phytonyms in the system of semantic fields]. *Integratsiya obrazovaniya*. [Integration of education]. 2015. – Vol. 19, no 4. pp. 100–106. In Russian.

Grebneva A. M. Tselostnyi podkhod k issledovaniyu nominantov mordovskikh yazykov. [A holistic approach to the study of the nominees of the Mordovian languages]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. [Yearbook of Finno-Ugric studies] 2016, no. 2, pp. 7–16. In Russian.

Grishunina V. P. Dialektnaya leksika mokshanskogo yazyka (leksikograficheskii i lingvogeograficheskii aspekty issledovaniya) [The dialect vocabulary of the Moksha language (lexicographical, linguistic and geographical aspects)] Saransk, 2015. 172 p. In Russian.

Efremov A. S. Nazvaniya rastenii mariiskogo yazyka (travyanisto-yagodnaya flora). [Names of plants of the Mari language (herbaceous and berry flora)]. avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk. Tartu, 1978. 17 p.

Nasibullin R. Sh. Nekotorye nazvaniya flory v yazyke zakamskikh udmurtov (materialy). [Some names of flora in the language of the Zakamsk Udmurts]. *Voprosy udmurtskogo yazykoznaniya*. [Questions of the Udmurt linguistics]. 1973. no. 2. pp. 152–162. In Russian.

OFUYa – Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov. [The foundations of Finno-Ugric linguistics: the origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 480 p. In Russian.

Rakin A. N. Floristicheskaya terminologiya komi yazyka (etimologicheskii analiz). [Floristic terminology of the Komi language (etymological analysis)]. *Voprosy leksikologii komi yazyka. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi filiala AN SSSR*. [Lexicology issues in the Komi language. Proceedings of Institute of Language, Literature and History, Komi branch, USSR Academy of Sciences]. Syktyvkar. 1979. pp. 129–164. In Russian.

Steblyn-Kamenskii I. M. Ocherki po istorii leksiki pamirskikh yazykov. [Essays on the history of the vocabulary of the Pamir languages]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 162 p. In Russian.

Syr'yalainen Yu. E. Nazvaniya rastenii v finskikh govorakh Leningradskoi oblasti: [Names of plants in the Finnish dialects in Leningrad region]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Yu. E. Syr'yalainen. Tartu. 1982. 18 p.

Fedotov M. R. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka. [Etymological dictionary of the Chuvash language.] vol. 1. Cheboksary. 1996. 470 p.

Tsygankin D. V. Mordovskie yazyki glazami uchenogo-lingvista. [The Mordvin languages as seen by the eyes of a scientist-linguist]. Saransk. 2000. 315 p. In Russian.

Tsygankin D. V. Mordovskie yazyki glazami lingvista-finnougroveda: sb. izbr. st. Tsygankin. [The Mordvin languages as seen by the eyes of a linguist of the Finno-Ugric studies: collection of FAV. senior Chankin]. Saransk. 2013. 244 p. In Russian.

Shal E. Leksika. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: mariiskii, permskie i obsko-ugorskie yazyki*. [Vocabulary. foundations of the Finno-Ugric linguistics: the Mari, Permic and Ob-Ugric languages]. M.: Nauka, Moscow: Nauka Publ., 1976. 368 p. In Russian.

EV – Tsygankin D. V., Mosin M. V. Etimologiyan' valks / D. V. Tsygankin, M. V. Mosin. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2015. 228 p. In Russian.

FUV – Collinder B. Fenn-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Hamburg. 1977. 217 p.

Györke J. Die Wortbildungslehre des Uraliahen. (Primäre Ableitungssuffixe). Tartu, 1934. 96 lk.

Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. (MSFOu LXXII). Helsinki. 339 p.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja / Y. H. Toivonen, E. Itkonen, Aulis J. Joki. Helsinki, 1955–1981. I–VII.

Received 05.04.2017

Grebneva Alexandra Mikhaylovna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

Mordovian State University named after N. P. Ogarev

28, ul. Bolshevistskaia, Saransk, 430005, Russian Federation

e-mail: grebnevaam@rambler.ru